

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В АКТАХ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Абдуллаев Абдулкерим Максимович

Аспирант, Среднерусский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
abdulm76@mail.ru

THE HUMAN RIGHT TO LIFE AND THE DEATH PENALTY IN ACTS OF CONSTITUTIONAL JUSTICE

A. Abdullaev

Summary: The issue of practical benefits, political possibility and legal admissibility of the resumption of the death penalty in today's realities is particularly acute. The main purpose of the work was to analyze the acts of constitutional justice regarding the moratorium on the death penalty, the forecast of the future fate of this type of punishment in the Russian legal system and possible issues that may arise in connection with the lifting of the moratorium. The methods are determined by the specifics of legal research and include generalization, analysis, induction and the formal dogmatic method. Results: a conclusion was made about the illegitimacy of the decision of the Constitutional Court on the actual abolition of the death penalty, albeit in the format of an indefinite moratorium, since the Court has jurisdictional, not legislative powers. The conviction of a number of jurists that a moratorium on the death penalty, based on two decisions of the Constitutional Court, adopted in 1999 and 2009, will stand in the current political and social conditions, seems illusory to us. A thesis has been put forward about the fundamental legitimacy of the death penalty, even if it is mitigated by a ban or restriction on its execution. A number of issues have been identified that will require constitutional control in the event of the lifting of the moratorium.

Keywords: death penalty, right to life, criminal law, decisions of the Constitutional Court, moratorium on the death penalty, transgender rights.

Аннотация: вопрос о практической пользе, политической возможности и юридической допустимости возобновления применения смертной казни в сегодняшних реалиях стоит особенно остро. Основной целью работы стал анализ актов конституционного правосудия относительно моратория на смертную казнь, прогноз дальнейшей судьбы указанного вида наказания в российской правовой системе и возможных вопросах, которые могут возникнуть в связи с отменой моратория. Методы обусловлены спецификой юридического исследования и включают обобщение, анализ, индукцию и формально-догматический метод. Результаты: сделан вывод о нелегитимности решения Конституционного суда о фактической отмене смертной казни, пусть и в формате бессрочного моратория, поскольку Суд обладает юрисдикционными, а не законодательными полномочиями. Убежденность ряда правоведов, что мораторий на смертную казнь, опирающийся на два решения Конституционного суда, принятые в 1999 и 2009 годах, устоит в современных политико-социальных условиях, кажется нам иллюзорной. Выдвинут тезис, о принципиальной легитимности смертной казни, даже если она смягчается запретом либо ограничением на ее исполнение. Обозначен ряд вопросов, требующих конституционного контроля в случае отмены моратория.

Ключевые слова: смертная казнь, право на жизнь, уголовное законодательство, решения Конституционного суда, мораторий на смертную казнь, права трансгендеров.

Введение

В связи с выходом России из Совета Европы с 16 сентября 2022 года и денонсации ряда международных договоров Совета Европы, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод с протоколами к ней, развернулась активная дискуссия по двум весьма значимым для развития российского общества вопросам: о возможности отмены моратория на смертную казнь и о получении КС РФ функций ЕСПЧ как гаранта защиты прав человека от произвола власти.

В этой связи небезынтересным представляется анализ актов конституционного правосудия относительно смертной казни, прогноз дальнейшей судьбы указанного вида наказания в российской правовой системе и проблемах, которые могут возникнуть в связи с возможной отменой моратория.

Смертная казнь представляет собой постоянную и заметную проблему, обсуждаемую в работах юристов,

философов, социологов, политологов. Еще Ч. Беккариа задавался вопросом, действительно ли смерть полезна и справедлива в хорошо организованном обществе и пришел к выводу, что смертная казнь — это бесполезное расточительство наказаний, которые никогда не могли сделать людей лучше [1, с. 125–131].

В настоящее время существует множество международных документов, провозглашающих право на жизнь, два наиболее известных из которых — Всеобщая декларация прав человека (ст. 3) и Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 6 — право на жизнь присуще человеку. Никто не может быть произвольно лишен жизни). Конвенция о правах ребенка упоминает это право в статье 6. Жизнь, охраняемая статьей 20 Конституции РФ, охватывает период от рождения человека до его смерти.

Вместе с тем, смертная казнь долгое время была неотъемлемой частью системы наказаний и суверенной прерогативой государства. Ни в американских декла-

рациях 1786 г., ни во французских декларациях 1789 г., ни во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ни в Международном пакте 1966 смертная казнь не упоминается как нарушение права на жизнь. Более того, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) упоминала лишение жизни как легитимную процедуру при определенных обстоятельствах (статья 2), впрочем, как и Международный пакт 1966 г. (ст. 6 часть III).

Перемена произошла в 1980-х годах — режим ЕКПЧ и Международного пакта был расширен протоколами об отмене смертной казни. В преамбулах этих протоколов упоминается право на уважение жизни, тенденция к отмене смертной казни, и тот факт, что отмена смертной казни способствует защите этого права, непоправимый характер смертной казни и необходимость наличия прогрессивного развития в этом вопросе.

Запрет смертной казни на европейском уровне был достигнут в два этапа. Сначала был Протокол № 6 от 28.04.1983 к ЕКПЧ, запрещающий смертную казнь в мирное время, но допускающий возможность вынесения смертного приговора в условиях войны или, в более широком смысле, угрозы войны; затем Протокол № 13 от 03.05.2002, запрещающий смертную казнь при любых обстоятельствах.

Однако Россия Протокол № 13 не подписывала вовсе, а Протокол № 6 подписала 16.04.1997, но не ратифицировала — проект федерального закона № 99077740-2, согласно данным СОЗД ГАС «Законотворчество», внесен в Государственную Думу 06.08.1999 и до сих находится на рассмотрении, причем 21.04.2023 года направлен запрос официальному представителю Президента РФ в ГД РФ по вопросу актуальности дальнейшей работы над законопроектом в связи с денонсацией международных договоров Совета Европы¹.

Россия также не участвует во втором факультативном протоколе к Международному пакту о гражданских и политических правах, принятом в Нью-Йорке 15 декабря 1989 г., согласно которому «ни одно лицо, находящееся под юрисдикцией государства-участника настоящего Протокола, не может быть казнено» (ч. 1 ст. 1), и «каждое государство-участник принимает все необходимые меры для отмены смертной казни в своей юрисдикции» (ч. 2 ст. 1). Этот акт запрещает все оговорки толкования, за исключением трех условий, которые можно интерпретировать исключительно в совокупности: сохранение смертной казни как наказания возможно за преступления, занимающие верхние позиции в иерархии преступных деяний, при условии ограничения *ratione temporis* военным временем, но, прежде всего, при ис-

ключении возможности того, что преступления могут быть «общеуголовными», поскольку они должны только быть «военного характера» (ст. 2). Протокол № 6 к ЕКПЧ предусматривает более широкие временные рамки запрета смертной казни, поскольку он разрешает смертную казнь на этапах, предшествующих вооруженному конфликту.

Абсолютного запрета на смертную казнь в России нет. Смертная казнь как высшая мера наказания установлена в ст. 59 УК РФ. Статья 20 Конституции РФ допускает применение смертной казни — до момента ее отмены, как исключительной меры, за особо тяжкие преступления против жизни, при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом присяжных. Итак, конституционный текст прямо и недвусмысленно указывает на то, что смертная казнь должна быть отменена, а до этого момента — допустима при соблюдении условий. Какой же механизм отмены будет легитимным?

Исходя из того, что конституционный текст этот момент никак не комментирует, полагаем, следует придерживаться общего правила — федеральный закон может быть изменен или отменен, полностью или в части, только другим федеральным законом. Таким образом, отмена смертной казни и запрет на ее применение должны быть юридически оформлены путем принятия федеральным законодателем соответствующего нормативного правового акта — федерального закона — и никак иначе. Этот подход находит одобрение и в научной литературе [2, с. 71; 3, с. 358–364].

Такой федеральный закон в настоящее время не принят. Однако смертная казнь не назначалась с 1 января 1999 года, а всем лицам, в отношении которых по состоянию на указанную дату имелись вступившие в законную силу приговоры об осуждении к смертной казни, исключительная мера наказания в течение января — июня 1999 года была в порядке «принудительного» помилования (т.е. даже в отсутствии советуемого ходатайства) заменена пожизненным лишением свободы либо лишением свободы на срок 25 лет, в связи с введением моратория [4].

Мораторий (от латинского *moratorius* — задерживать) — юридический термин, обозначающий решение о предоставлении отсрочки или приостановления действия на определенный срок или на время действия некоторых чрезвычайных обстоятельств. Таким образом мораторий не означает юридического запрета. И, кроме того, это решение принял не федеральный законодатель.

Анализируя юридическую основу моратория на смертную казнь, отметим следующее. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении

¹ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99077740-2>

смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», и последующее распоряжение Президента РФ от 27 февраля 1997 г. № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав и основных свобод человека от 4 ноября 1950 г.» ничего не говорят ни об отмене смертной казни, ни о ее моратории.

Мораторий, фактически, был введен Постановлением КС РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П [5], который в п. 5 указывает на временное неприменение смертной казни — до обеспечения на всей территории Российской Федерации работы судов присяжных, что является гарантией права на жизнь и процессуальным условием легитимности смертного приговора, определенного конституционной нормой. Данный акт конституционного правосудия, по нашему мнению, вполне отвечает как собственно понятию «мораторий», так и объему компетенции КС РФ.

Последующим Определением от 19.11.2009 № 1344-О-Р [6] КС РФ указал, сложившийся конституционно-правовой режим характеризует процесс, направленный на отмену смертной казни и наличие судов присяжных «не открывает возможность применения смертной казни». Мотивируя данное решение суд отметил длительный мораторий, призванный защищать неприкосновенный и священный характер человеческой жизни и «право человека не быть подвергнутым смертной казни», подчеркнул конституционно-закрепленную необходимость отмены смертной казни в некий неопределенный период времени, учел международно-правовые тенденции и международные обязательства, взятые на себя Российской Федерацией.

Ситуацию, в которой Россия подписала Протокол № 6, но оставила его без ратификации КС РФ оценил как «не препятствующую признанию этого Протокола существенным элементом правового регулирования», поскольку Россия «не выразила своего намерения не стать его участником» и связана требованием статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров не предпринимать действий, которые лишали бы подписанный ею Протокол № 6 его объекта и цели. Однако напомним, что Протокол № 6 допускает смертную казнь во время войны и в период подготовки к ней.

Мы солидаризируемся с теми авторами, которые полагают, что, принимая решение о «бессрочном моратории» смертной казни и ее фактическом запрете, КС РФ в данном решении существенно превысил пределы полномочий, предоставленных ст. 125 Конституции РФ и Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2;7;8]. Во-первых, КС РФ вышел за рамки предмета рассмотрения, ответив на вопрос о конституционно-

сти применения смертной казни, который заявителями не ставился, проявив nepозволительную инициативу, особенно опасную в связи с обязательностью его решений. Во-вторых, Суд не только нарушил принцип разделения властей, вторгшись в сферу полномочий законодательной ветви, но и присвоил власть, которая в соответствии со ст.3 Конституции принадлежит народу как носителю суверенитета и который выразил свою волю принятием Конституции РФ и опосредствованно, через представительный законодательный орган, в УК РФ, норма статьи 59 которого сохраняет наказание в виде смертной казни. Кроме того, КС РФ продемонстрировал односторонность подхода, учтя только интересы обвиняемых, и не проявив ни малейшего внимания к интересам и потребностям потерпевших, которые не смогут получить адекватной социальной справедливости и не позволяют обществу почувствовать, что правосудие вершится, поскольку гарантируется неповторение и не требуется содержания виновного за счет налогоплательщиков, в том числе и пострадавших от его действий.

В связи с изложенным, мы не можем согласиться с мнением судьи КС РФ в отставке Т.Г. Морщаковой о допустимости использования «в правовой системе России не законодательных, а иных, конкурирующих с ними, способов отмены смертной казни», в частности решений КС РФ [9, с.187]. Ни один нормативный акт, в том числе и Основной закон, не наделяет КС РФ такой безразмерной компетенцией. Мораторий по своей правовой природе не должен быть бессрочным — это инструмент временного запрета, применяемый при наличии каких-либо чрезвычайных обстоятельств, по истечению которых деятельность должно быть возобновлена. Тезис о том, что мораторий действует до отмены смертной казни федеральным законодателем, мы расцениваем как ограничение свободы усмотрения законодателя. Положения действующей Конституции РФ свидетельствуют о принципиальной легитимности смертной казни, даже если она смягчается декларацией на ее потенциальный полный запрет либо материальными и процессуальными ограничениями на ее применение. Поэтому, считаем, что ситуация с фактической отменой смертной казни исключительно актом конституционного правосудия, не корректна с юридической точки зрения (как и использование в отношении данной ситуации термина «бессрочный мораторий»), и нарушает принцип верховенства закона.

Должны отметить, что анализируемые внутригосударственные акты отвечали контексту времени и целям уголовной политики того периода, направленной на интеграцию в мировое сообщество. Отмена моратория на смертную казнь была чревата новыми политическими, социально-экономическими, культурными осложнениями с Европой и со всеми странами Запада. Запрет смертной казни рассматривался как существенный шаг в защите права на жизнь, поскольку он закрепляет аб-

солютное право индивидов против государства, которое не только не может причинить смерть, но и обязано защищать жизнь путем принятия мер, в частности отказа от казни и выдачи лица в страну, где ему грозит смертная казнь. Много говорилось о смене репрессивной парадигмы на гуманистическую, с постепенной отменой смертной казни в мире и абсолютизацией права на жизнь и уважение человеческого достоинства. Строго говоря, это политическое препятствие, но не юридическое. Поясним свою мысль. Протоколы № 6 и № 13 представляют собой значительное ограничение, но не являются неустранимым препятствием на пути к воле российских лидеров приступить к восстановлению смертной казни, тем более что ни один из них Россия не ратифицировала. Также отметим, что существует возможность денонсации европейских протоколов. Проблема лишь в том, что ни один из этих двух протоколов не содержит положения о денонсации, но каждый ссылается по этому вопросу на статью 58 ЕКПЧ. Дебаты основаны на двух вопросах: отдельной денонсации Протоколов и ЕКПЧ и определении сроков денонсации. С одной стороны, нет уверенности в том, что Дополнительные протоколы к ЕКПЧ могут быть денонсированы без распространения этого решения на ЕКПЧ. С другой стороны, не уточняется, истекает ли пятилетний период любой денонсации с даты вступления в силу Конвенции или последнего ратифицированного протокола. Таким образом, если придерживаться гипотезы «отделимости» при денонсации протоколов, то процедура денонсации статьи 58 Конвенции применяется автономно и в полном объеме к каждому протоколу. Таким образом, денонсация, по-видимому, может быть осуществлена только по истечении пяти лет после вступления в силу каждого Протокола и по истечении шестимесячного срока уведомления в соответствии с положениями статьи 58 Конвенции. С другой стороны, тезис о предполагает более легкое процессуальное решение.

Сейчас ситуация изменилась. Внешние факторы — международные обязательства России — в связи с денонсацией ЕКПЧ и протоколов к ней отпали. В перечне денонсированных РФ документов протокол № 6 не значится, но, полагаем, такая ситуация обусловлена не прохождением процедуры ратификации. Учитывая, что наказание всегда социально обусловлено, необходимо учитывать мнение общества о введении снова или полного исключения смертной казни из системы наказаний, однако и в обществе нет единого, или, по крайней мере, преобладающего мнения на вопрос о том, как следует наказывать преступника за совершенное тяжчайшее преступление, и какова целесообразная и адекватная альтернатива смертной казни. Является ли применение смертной казни допустимым — с материальной точки зрения — основанным на общем благе, коллективной безопасности или правах других? Если бы эти активы были защищены другими видами мер не было бы ниче-

го, как утверждал аболиционист Беккариа, что оправдало бы смертную казнь. Однако на сегодняшний день пожизненное лишение свободы вряд ли можно назвать эффективным сдерживающим фактором от эскалации преступности в России, особенно, что касается особо тяжких преступлений. Принципиальная правомерность смертной казни по отношению к преступнику, совершившему убийство, заключается не в том, чтобы осуществить над ним месть, а чтобы напомнить ему, как и другим членам общества, о мере справедливости.

С другой стороны, смертная казнь не в полной мере отвечает положениям принципа справедливости и цели уголовного наказания — исправление осужденного. В принципе, любые судебные решения должны поддаваться проверке в судебном порядке и ошибки должны быть исправлены, однако в случае смертной казни эффективная правовая защита в контексте исполнения приговора не гарантируется, потому что в случае казни — это необратимо. Поскольку «смертные» приговоры так же подвержены ошибкам, как и все другие приговоры, природа смертной казни не может соответствовать принципу справедливого судебного разбирательства. Достаточно трудно в тенденциях современного общества к гуманизации уравновесить наличие смертной казни в системе наказаний надлежащей общественно-полезной целью. В подобных ситуациях необходимо учитывать несколько факторов при определении того, каким должно быть соответствующее наказание, которое одновременно содержит элементы убеждения, предотвращения, справедливости и возмездия.

Несмотря на нелегитимность решения КС РФ о бессрочном моратории смертной казни, председатель КС РФ Валерий Зорькин на X Всероссийском съезде судей отметил, что преодолеть его федеральный законодатель не может [10]. Не совсем ясно о каком преодолении идет речь в выступлении В. Зорькина, поскольку федеральные законы — УК РФ, УИК РФ и УПК РФ — содержат нормы, регулирующие материальные основания и правовую процедуру назначения смертной казни и вопрос об их конституционности не ставился. Возврат к их правовому применению не требует никаких действий от законодателя. Скорее мы можем говорить о блокировке решением КС РФ деятельности суда по назначению смертной казни. Мнения о возможности преодоления этого запрета разошлись: ряд авторов полагает, что достаточно смены правовой позиции КС РФ, либо, как утверждает В. Зорькин и ряд ученых, путем принятия новой Конституции [10]. Анализируя выступления председателя КС РФ, необходимо отметить один значимый момент. Согласно ст. 11 ФКЗ «О КС РФ» судья КС не вправе публично, при условии возможности обнародования либо опубликования, высказывать свое мнение о вопросе, который может стать предметом рассмотрения в КС. Публичным выступлением на тему моратория смертной

казни В. Зорькин либо показал, что считает потенциально невозможным рассмотрение данного вопроса в КС РФ, либо, что более вероятно, самоустранился от принятия решения о возврате смертной казни в российское правоприменение.

Полагаем, что решение этого чувствительного вопроса лежит скорее в политической области, чем в юридической. Правой инструментарий для возобновления применения смертной казни имеется. Наказание в виде смертной казни в России легитимно. Несмотря на огромную важность, право на жизнь не абсолютизировано, иначе не была бы возможна самооборона, и в противном случае подвергшееся нападению лицо было бы лишено его права на жизнь. Элементами конституционного права на жизнь являются: «право на смерть», понимаемое как возможность человека самостоятельно определить момент окончания жизни, т.е. право на эвтаназию, право на самоубийство; «право на отсутствие смерти», понимаемое с одной стороны, как ограничение или запрет права государства на применение смертной казни как вида наказания, а так же обеспечение государственной защиты от факторов, потенциально представляющих смертельную угрозу (атомная энергия и т.п.), а с другой, как возможность отражения посягательства на свою жизнь вплоть до причинения смерти нападающему без несения за это юридической ответственности; право на человеческое достоинство, в данном контексте понимаемое как обеспечение государством достаточно уровня жизни и достойного погребения. Ограничения права на жизнь, как и других прав, в российской правовой системе вытекают из ст. 55 Конституции: устанавливаются федеральным законом, допустимы только для достижения конституционно-значимых целей и быть им соразмерны (защита прав других лиц, безопасность всех и справедливые требования для достижения общего блага); не должны применяться в дискриминационных целях или дискриминационным образом; не могут подорывать основное содержание соответствующего права.

Считаем, что, если (а такой вариант развития событий нам представляется наиболее вероятным) смертная казнь будет возвращена, перед КС РФ и законодателем встанет ряд вопросов. Во-первых, проблемы назначения наказания данного вида трансгендерам. В России смертная казнь женщинам не назначается. Будет ли подобный правовой «бонус» действовать в отношении лиц, совершивших трансгендерный переход из мужчины в женщину? Мы полагаем, что при решении данного вопроса следует отталкиваться от целей, которые преследовал законодатель, исключая женщин из круга лиц, в отношении которых применяется исключительная мера. Для российского правосознания характерно более гуманное отношение к женщинам исходя из их биологической

роли матери. Лица, которые вопреки своей биологической природе, полагают, что они принадлежат к иному полу, и перенесшие операцию по смене пола, к исполнению этой биологической роли не пригодны. Самоидентификация — это субъективное право каждого, которое не должно учитываться правопорядком. Таким образом, в целях уголовного правоприменения следует исходить из того пола, который получил человек при рождении. Другим вариантом решения проблемы будет равное назначение смертной казни и мужчинам, и женщинам.

Во-вторых, взаимосвязь наказаний в виде смертной казни и пожизненного лишения свободы. Полагаем возможным для реализации «права на смерть» как элемента конституционного права на жизнь предоставить возможность лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, самостоятельно определять, отбывать ли пожизненное наказание в виде лишения свободы (с достаточно призрачной надеждой на освобождение) либо ходатайствовать о применении смертной казни. Безусловно, потребуются разработать эффективный механизм, препятствующий принуждения со стороны администрации мест отбывания наказания к принудительному принятию последнего варианта решения. Такой вариант будет актуальным и в современной реальности, когда смертная казнь является не отмененным видом наказания, но не применяется. Вместе с тем, считаем, что конституционность такого подхода должна быть проверена КС РФ.

В заключении отметим, что, по нашему мнению, Конституционный суд не может отменить смертную казнь, поскольку он обладает юрисдикционными, а не законодательными полномочиями. Убежденность ряда правоведов, что мораторий на смертную казнь, опирающийся на два решения Конституционного суда, принятые в 1999 и 2009 годах, устоит в современных политико-социальных условиях, кажется нам иллюзорной. Мы придерживаемся тезиса, касающегося принципиальной легитимности смертной казни, даже если она смягчается запретом либо ограничением на ее исполнение (применение). В этой связи указывается на целесообразность разработки правового механизма позволяющего предоставить возможность лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, самостоятельно определять, отбывать ли пожизненное наказание в виде лишения свободы (с достаточно призрачной надеждой на освобождение) либо ходатайствовать о применении смертной казни, а также, в случае отмены моратория, на необходимость конституционного контроля подобный правовой «бонус» действовать в отношении лиц, совершивших трансгендерный переход из мужчины в женщину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Обнинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.
2. Коняев С.А. Мораторий на применение смертной казни в России: конституционно-правовой аспект // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2011. №1. С. 70–78.
3. Байтин И.М. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
4. Заключение по проекту федерального закона № 230074-4 «Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации», внесенному депутатом Государственной Думы С.Н. Бабуриным // СОЗД ГАС «Законотворчество». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230074-4>
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно — процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1999. 08 февраля. № 6. Ст. 867.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2009. 30 ноября. № 48. Ст. 5867.
7. Полищук Н.И. Правовые проблемы моратория на смертную казнь // Вестник Кузбасского института. 2014. №1 (18). С. 25–37.
8. Коновалова С.А., Лазарев А.Е. К вопросу о конституционно-правовом регулировании применения смертной казни в Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2020. №2 (9). С. 25–40.
9. Морщакова Т.Г. Правовая легализация отмены смертной казни в России. Комментарий к Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1(74). С. 185–187.
10. Пашкова Л. Зорькин назвал невозможной смертную казнь при нынешней Конституции // РБК. 29. 11. 2022. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/29/11/2022/6385f2d99a794722e91b4329>

© Абдуллаев Абдулкерим Максимович (abdulm76@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»